

Смотритель Тобольскаго мужскаго духовнаго
Училища, священникъ о. Алексѣй Беллавинъ.

4-го августа 1895 года въ городѣ Кокчетавѣ, въ разстояніи почти тысячи верстъ отъ города Тобольска, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, въ сравнительно молодыхъ еще лѣтахъ, скончался смотритель Тобольскаго мужскаго духовнаго Училища, священникъ Алексѣй Николаевичъ Беллавинъ.

Покойный давно уже страдалъ разными недугами, этими, какъ сказано въ одной изъ рѣчей при его отпѣваніи „предвѣстниками смерти“.

Не смотря на усиленную врачебную помощь, особенно за послѣднее время, болѣзнь о. Алексѣя не уменьшалась, а напротивъ болѣе и болѣе усиливалась. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1894 г. о. Алексѣй вынужденъ былъ временно отказаться отъ исправленія должности смотрителя училища; весной 1895 года онъ испросилъ себѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ и въ концѣ апрѣля, въ сопровожденіи спутника, выѣхалъ для лѣченія кумысѣмъ въ степь.

Май мѣсяцъ почти весь стоялъ холодный, да и все лѣто по дождливой и сырой погодѣ не благоприятствовало лѣченію, а потому неудивительно, что изъ далекой степи скоро стали приходить неутѣшительныя извѣстія. Д и вообще трудно было ожидать успѣха

отъ леченія, такъ какъ болѣзнь уже развилась, окрѣпла и даже осложнилась.

„Стоитъ холодъ, писалъ въ одномъ изъ писемъ о. Алексѣй, улучшения я не чувствую“. Насколько климатическія условія были неблагоприятны для леченія, можно судить потому, что на Николинъ день, по слухамъ, въ степи выпалъ снѣгъ.

Но помимо климатическихъ, и другія условія также сложились въ сторону, неблагоприятную для о. Алексѣя.

Кромѣ кумыса, который покойный принималъ въ незначительномъ количествѣ, въ степи можно было питаться одною лишь бараниною, такъ какъ кромѣ ея ничего болѣе нельзя было достать, между тѣмъ баранину о. Алексѣй не могъ ѣсть.

Положеніе о. Алексѣя, насколько видно изъ его писемъ, нѣсколько было улучшилось, когда онъ сталъ жить вмѣстѣ съ однимъ купцомъ, также прѣбывавшимъ въ степи для леченія. Купецъ оказался человекомъ зажиточнымъ и болѣе опытнымъ, по хозяйственной части; не приводилось уже посылать за провизіей въ сосѣдній городъ; столъ сталъ разнообразнѣе и питательнѣе.

Однако все было напрасно. Болѣзнь, уже пустившая глубокіе корни въ организмъ о. Алексѣя, брала свое и развивалась съ ужасающей быстротой, не поддавалась уже никакому леченію.

Телеграммы, одна другой тревожнѣе, стали получаться съ мѣста леченія, и наконецъ одна изъ нихъ сообщила о полной безнадежности о. Алексѣя. „Отъ Алексѣя безнадеженъ, сообщалось въ телеграммѣ на имя его супруги, — выѣзжайте немедленно“.

По полученіи этого извѣстія, супруга о. Алексѣя, не смѣтывая на то, что въ это время сильно хворала ее дочь, которая потомъ и скончалась почти одновременно со своимъ отцомъ, вѣдущая своему долгу супруги, со своимъ племянникомъ священникомъ Николаемъ Беллавинымъ, немедленно выѣхала изъ Тобольска и застала о. Алексѣя въ городѣ Кокчетавѣ, куда онъ незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ, сознавая всю безуспѣшность своего леченія и постоянно стремясь въ городъ Тобольскъ, къ своей семьѣ, къ своимъ знакомымъ и къ своему родному училищу.

Положеніе о. Алексѣя въ это время было уже дѣйствительно вполне безнадежно: онъ уже не только не выходилъ изъ комнаты,

но даже не поднимался съ койки и съ трудомъ говорилъ. Знавшій ранѣе о. Алексѣя теперь съ трудомъ могъ бы его узнать: до такой степени онъ исхудалъ и вообще перемѣнился.

Въ Tobольскѣ родственники и знакомые, а также и сослуживцы о. Алексѣя, послѣ отбытія супруги, съ тревогой ждали извѣстій о его положеніи. Извѣстія не замедлили и, какъ и надо было ожидать, были самыя печальныя и неутѣшительныя. „Доктора сказали скоро смерть... Молитесь съ дѣтьми о прекращеніи его страданій“... такъ сообщалось въ одной изъ послѣднихъ телеграммъ. О. Алексѣй передъ смертью страдалъ долго и тяжело.

Не замедлило и роковое извѣстіе, нашедшее на всѣхъ, знавшихъ покойнаго, грусть и уныніе.

4-го августа пришла телеграмма съ извѣстіемъ о кончинѣ о. Алексѣя. Скончался честный и энергичный труженникъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія и воспитанія юношества; училище, такъ много обязанное ему своимъ настоящимъ благоустройствомъ, осиротѣло; супруга лишилась мужа, дѣти—отца; знакомые—симпатичнаго, пріятнаго и умнаго собесѣдника, всегда умѣвшаго сказать что-либо поучительное и назидательное.

Смерть и вообще производитъ непріятное впечатлѣніе, а смерть близкаго лица, котораго хорошо знаешь, располагаетъ къ особенной грусти и наводитъ на особенно печальныя размышленія. Невольно задаешься вопросомъ, что-же такое жизнь? Не безцѣльный ли это даръ природы, не игра-ли случая, не насмѣшка ли судьбы!..

II. Человѣкъ, на глазахъ всѣхъ, столько дѣлъ жилъ, трудился и работалъ, и вдругъ его не стало и все его дѣло какъ бы рушилось. Къ чему же, повидимому, послѣ этого жить, работать и трудиться, да и стоитъ-ли, когда безжалостная смерть можетъ разомъ пресѣчь твою жизнь и прекратить твою дѣятельность!.. Но... тайну жизни никто не объяснитъ и пути Божіи неисповѣдимы. Сколько уже прошло тысячелѣтій, между тѣмъ завѣса, отдѣляющая нашу чувственный міръ отъ сверхъчувственнаго, и до сихъ поръ не поднята. Сколько было потрачено усилій и стремленій человѣческаго ума, чтобы поднять этотъ таинственный покровъ, и все напрасно... Всѣ усилія человѣка разбиваются объ эту преграду, какъ волны бушующаго моря о высокой утесъ... —

Скоро стало известнымъ и то, что тѣло усопшаго будетъ доставлено для погребенія въ Тобольскъ. Со времени полученія этого известія со стороны родственниковъ, а также и сослуживцевъ о. Алексѣя, начались дѣятельныя приготовленія ко встрѣчѣ усопшаго. Тѣло усопшаго было доставлено въ Тобольскъ 13-го августа, въ металлическомъ футлярѣ, на глухо запаянномъ.

Супруга о. Алексѣя прибыла въ Тобольскъ нѣсколько ранѣе. Встрѣча и похороны вполне соответствовали тому положенію которое занималъ онъ, какъ начальникъ духовнаго учебнаго заведенія, а также и его разнообразнымъ заслугамъ на поприщѣ многолѣтней служебной дѣятельности.

Ко времени прибытія тѣла, въ началѣ пятого пополудни, къ Роцинской Преображенской церкви собралось много духовенства и публики, а также и вся наличная училищная корпорація, съ учителями, которые оказались въ городѣ.

Около деревни Анисимовой тѣло усопшаго съ почтового экипажа было переложено на погребальную колесницу. Въ началѣ пятого по направленію отъ деревни Анисимовой показалась печальная колесница, на которой лежалъ уже бездыханный трупъ почившаго о. Алексѣя. Печальное шествіе сопровождали многіе изъ свѣтскихъ лицъ, которые ранѣе отправились въ деревню Анисимову для встрѣчи усопшаго. Около деревни Анисимовой предполагалось было вскрыть гробъ, но это оказалось неудобнымъ.

Предъ Преображенской церковью была отслужена краткая литія, послѣ которой при пѣніи ирмосовъ умилительнаго канона „Помощникъ и Покровитель“, при „свѣтломъ“ колокольномъ звонѣ съ Роцинской церкви и въ сопровожденіи духовенства и многочисленной толпы народа печальный кортежъ медленно двинулся къ городу Тобольску. Погода стояла пасмурная; накрапывалъ дождикъ; небо заволакивалось тучами... Все какъ-то невольно располагало къ грусти и наводило на мысль о ничтожности и бренности человѣческой жизни. На валу процессію встрѣтила многочисленная толпа горожанъ, собравшихся отдать дань памяти почившему.

Тѣло усопшаго было принесено въ училищную домовую церковь, въ которой вскорѣ началось всенощное бдѣніе, а затѣмъ и обычное чтеніе надъ прахомъ священника. Рядомъ съ гробомъ отца

была положена его дочь. На другой день, въ началѣ девятого часа утра, нагорную часть города Тобольска огласилъ рѣдкій, протяжный и тоскливо-унылый звонъ единственного при училищной церкви колокола.

Вскорѣ прибылъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Ага-ангелъ, и началось совершеніе зауконой литургіи, а затѣмъ и отпѣваніе. Какъ литургія, такъ и отпѣваніе отличались особенною торжественностью и продолжительностью. На литургіи вмѣсто причастна архіерейскими пѣвчими была прекрасно исполнена умиленная духовная пѣснь „Тебѣ одѣющагося свѣтомъ, яко ризою“, гдѣ съ такимъ трогательнымъ чувствомъ и съ такою глубокою горестью оплакивается смерть Божественнаго Учителя и Наставника. Послѣ исполненія этой пѣсни, произнесъ слово о. архимандритъ Иннокентій, недавно назначенный изъ преподавателей Тоб. дух. семинаріи ректоромъ Литовской. Указывая на два предлежащіе гроба—отца и дочери, проповѣдникъ удачно провелъ мысль, что ненасытная смерть не напрасно не удовлетворилась одной жертвой—смертью отца—но потребовала еще и смерти дочери, невиннаго младенца. Проповѣдникъ говорилъ, что душа невиннаго младенца, витая у престола Всевышняго, будетъ молить Бога, какъ за своего почившаго родителя, такъ и за свою мать и за другихъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Нѣкоторыя мѣста въ рѣчи произвели особенное впечатлѣніе и сопровождалась плачемъ изъ среды близкихъ къ покойному.

Послѣ литургійнаго Богослуженія начался обрядъ отпѣванія, который продолжался слишкомъ полтора часа. На отпѣваніе вышло почти все городское духовенство, имѣя во главѣ, послѣ Архиаствыря, маститаго о. архимандрита Мемнона и о. архимандрита Иннокентія (Ив. В. Бѣльева). Обрядъ отпѣванія былъ трогателенъ. То и дѣло слышалось поочередное чтеніе предстоящимъ духовенствомъ апостоловъ и евангелія, гдѣ все говоритъ о призывѣ челоѣка къ Богу, о любви Бога къ людямъ и о милосердіи Божіемъ къ грѣшному челоѣчеству; то и дѣло слышалось возглашеніе протодіакономъ: „Господу помолимся“. Сонмъ духовенства, вмѣстѣ съ предстоящими въ храмѣ, молился за усопшаго. Можетъ быть въ это время молилась за усопшаго и чистая невинная душа его только что скончавшейся дочери. Во время отпѣванія было произнесено три рѣчи—и. д. смотри-

теля училища, помощником смотрителя Н. Н. Ев. Поникаровскимъ, преподавателемъ О. Дм. Памфиловымъ и священникомъ Николаемъ Богословскимъ. Все рѣчи отличались прочувствованностью и съ разныхъ сторонъ обрисовывали симпатичную личность усопшаго. Нельзя не пожалѣть лишь одного: ни въ одной изъ рѣчей не была отмѣчена истинно русская черта въ характерѣ усопшаго — его нелицемѣрное радушіе и широкое гостеприимство. Домъ усопшаго былъ открытъ для всехъ.

Послѣ обряда отпѣванія тѣло усопшаго на раменахъ священнослужителей было перенесено на погребальный катафалкъ и затѣмъ печальное шествіе медленно двинулось къ послѣднему уже пристанищу усопшаго. За печальной колесницей, позади супруги и другихъ родственниковъ усопшаго, слѣдовали по два въ рядъ ученики училища, имѣя по сторонамъ начальствующихъ и учащихъ.

Съ церковей нагорной части города Тобольска раздавался колокольный звонъ. Опять слышалось гнѣвное канона „Помощникъ и покровитель“... Процессію сопровождала густая толпа народа; много народу стояло и по обѣимъ сторонамъ главной нагорной улицы по пути слѣдованія процессіи. Медленно подвигалась печальная колесница, при тихой погодѣ погребальныя свѣчи горѣли тихо, яркимъ и ровнымъ пламенемъ.

Но прошло не болѣе полчаса и холодная земля на вѣки сокрыла тѣло усопшаго. О. Алексѣй былъ похороненъ въ одной могилѣ со своей дочерью, рядомъ съ могилой раньше умершей другой его дочери... Достоянному была воздана и достойная честь...

Исторія службы о. Алексея такова. Онъ священникъ Псковской епархіи, покойный обучался въ Казанской духовной Академіи въ 1875 г. окончилъ въ ней курсъ со степенію кандидата богословія и магистранта. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ преподавателемъ греческаго языка въ Тобольскую дух. семинарію.

По прибытіи къ мѣсту служенія о. Алексѣй не замедлил обнаружить свои дарованія и способности, почему ему и было поручено отправление разныхъ должностей. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей по должности учителя греческаго языка онъ преподавалъ географію въ Тобольскомъ дух. училищѣ Гомилетіку въ пятomъ классѣ семинаріи, состоялъ членомъ распорядительнаго собранія правленія

семинаріи; съѣздомъ духовенства, въ 1878 г. онъ, какъ человекъ видный, даровитый и распорядительный, былъ избранъ на должность смотрителя Тобольскаго мужскаго духовнаго училища. Съ этого времени начинается его почти двадцатилѣтняя трудовая дѣятельность по новой должности.

Училище многимъ обязано о. Алексѣю, начиная съ постройки и кончая настоящимъ его состояніемъ. До перехода въ нагорную часть училище помещалось въ тѣсныхъ и неудобныхъ зданіяхъ, принадлежащихъ Тобольскому Знаменскому монастырю. Когда поднятъ былъ вопросъ о постройкѣ новаго зданія, о. Алексѣй былъ назначенъ предсѣдателемъ строительнаго комитета по постройкѣ училища. Дѣятельность комитета продолжалась до 1887 года. Много трудовъ положилъ о. Алексѣй на это дѣло, а сколько онъ испыталъ разнаго рода непріятностей и волненій, это лишь можетъ сказать онъ одинъ, да развѣ его помощники по постройкѣ училища; была масса хлопотъ и непріятностей и съ подрядчикомъ, и съ архитекторомъ, и съ другими лицами. Какъ много требовалось тутъ самообладанія, настойчивости и твердой воли, и сколько, вѣроятно, здоровья и силъ за это время потратилъ о. Алексѣй! Съ какими трудностями сопряжена была постройка училища можно судить потому, что съ архитекторомъ разъ было едва не дошло до судебного процесса.

Къ концу 1887 года постройка училища была окончена и оно перешло въ новое зданіе, а векоръ затѣмъ о. Алексѣй былъ рукоположенъ въ санъ священника для служенія въ училищной церкви.

За свои труды по постройкѣ училища о. Алексѣй удостоился архипастырской душевной и искренней благодарности за вполне добросовѣстное и трудовое отношеніе и выполненіе возложенной на него обязанности по устройству училищныхъ зданій, со внесеніемъ сего въ формулярный списокъ.

Своимъ участіемъ и трудами по постройкѣ училища о. Алексѣй создалъ себѣ памятникъ, который будетъ существовать, пока стоитъ училище.

Въ отношеніи наградъ почившій не былъ забываемъ начальствомъ. О. Алексѣй имѣлъ ордена Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени; оба эти ордена онъ получилъ за отлично-усердную службу при училищѣ, при чемъ первый орденъ онъ получилъ и по представленію члена учебнаго комитета при св. Синодѣ, бывшаго реви-

зора Гобольскаго училища г. Миропольскаго. Изъ чиновъ, доприня-
ти духовнаго сана, покойный имѣлъ чинъ статскаго совѣтника. По
рукоположенію въ священны санъ покойный былъ также отличенъ
наградами со стороны духовной власти. За отлично-усердную службу
безвозмездное и ревностное отправление богослуженія въ училищной
церкви, онъ удостоился награды набодренникомъ. За отлично-усердную
службу по духовному вѣдомству, вообще, награжденъ камилавкою.

Съ 1876 г. покойный состоялъ членомъ Епархіальнаго (Коми-
тета миссіонерскаго Общества; въ 1890 г. былъ избранъ помощникомъ
предсѣдателя проповѣдническаго отдѣленія братства св. Великомуч. Ди-
митрія Солунскаго. Съѣздомъ духовенства 1893 г. о. Алексѣю была
выражена благодарность за хорошее состояніе училища. Не задолго
до кончины о. Алексѣи получилъ наперсникъ крестъ, выдаваемый
отъ св. Синода. Это были награды послѣднія, и какъ бы за все его
труды по училищу.

Изъ очерка служебной дѣятельности о. Алексѣя можно видѣть
что это была личность даровитая. Но одинъ перечень официальныхъ
данныхъ недостаточенъ для болѣе или менѣе полной и цѣлостной
обрисовки разсматриваемой личности. Взглянемте на о. Алексѣя и съ
другихъ сторонъ, помимо чисто-официальной, — коснемтесь, напри-
мер, его частнаго быта, насколько это возможно, его отношеній къ семьѣ, къ
своимъ сослуживцамъ, къ ученикамъ, и личность усобщаго еще болѣе
рельефно предстанетъ предъ нами. Образъ жизни о. Алексѣя былъ
самый простой. Занимая со своею семьей довольно обширныя поме-
щенія, онъ самъ лично больше ютился въ небольшой средней
комнаткѣ нижняго этажа. Вообще образъ жизни покойнаго носилъ пе-
чатю простоты.

Какъ семьянинъ покойный любилъ свою семью. Пинущему эти
строки памятенъ случай, бывший нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ
покойный, вспоминая смерть своей любимой дочери Антонины, не стѣ-
снлся присутствіемъ посторонняго лица, глубоко горевалъ о потери
дочери и плакалъ едва не навзрыдь.

Какъ начальникъ заведенія, о. Алексѣи вѣлъ себя вообще съ
достоинствомъ, но въ тоже время съ подчиненными съ сослуживцами
вѣжливо и деликатно, и съ полною отеческою благожелательностію
по отношенію къ ученикамъ,

Правда, покойный был довольно вспыльчиваго темперамента, и пишущему не раз доводилось переносить вѣшши его гнѣва, но за то не раз и случалось — пройдетъ состояніе запальчивости и раздраженія, и о. Алексѣй какъ будто не рѣшается и глазъ на тебя поднятъ и не знаетъ, какъ и съ чего начать разговоръ.

Въ общемъ трудно сказать, кому изъ своихъ сослуживцевъ покойный причинилъ какой-либо вредъ, сдѣлалъ какое либо зло. Онъ былъ одинаково ко всемъ расположенъ. Что касается до учениковъ, то о. Алексѣй стоялъ за нихъ, какъ говорится, горой. Особенно онъ всегда почти былъ противъ увольненія и исключенія учениковъ. Не разъ властнымъ и авторитетнымъ голосомъ, искренностію и убѣжденностію рѣши о. Алексѣй отражать возраженія другихъ лицъ и отстаивалъ какого-нибудь бѣднаго воспитанника и давалъ ему возможность продолжать свое дальнѣйшее ученіе. Много требовалось настойчивости и усилій, чтобы заставить о. Алексѣя присоединиться къ общему мнѣнію и согласиться на исключеніе ученика. Защитникомъ и заступникомъ учениковъ является онъ и въ другихъ случаяхъ. На экзаменахъ то и дѣло, бывало, видишь какъ о. Алексѣй то одному ученику прибавляетъ плюсъ, то другому и совсѣмъ старается улучшить баллъ. Но при снисходительности и благожелательности о. Алексѣй былъ вѣсть строгъ и требователенъ. Ученики его любили, но, несомнѣнно, и боялись; не рѣдко одинъ видъ приближающагося о. Алексѣя заставлялъ маленькихъ проказниковъ и шалуновъ разсыпаться въ разные стороны.

Какъ наставникъ по православному катихизису и церковному уставу о. Алексѣй несомнѣнно отличался умѣлымъ преподаваніемъ. Отвлеченныя истины православнаго ученія онъ умѣлъ сообщать ученикамъ въ формѣ болѣе или менѣе вразумительной и, насколько возможно, доступной для дѣтскаго пониманія. Тексты св. писанія не только заучивались учениками на память и надлежаще объяснялись, но и переводились по русски и, для большаго упроченія въ памяти, вписывались въ особыя заведенныя для этого тетради. Иногда на урокахъ о. Алексѣя слышалось пѣніе, — это было на урокахъ по церковному уставу, который онъ проходилъ практически, заставляя въ классѣ учениковъ читать, а иногда и пѣть.

На экзаменахъ по предметамъ о. Алексѣя ученики обыкновенно

отвѣчали вполне удовлетворительно и обнаруживали достаточное усвоение пройденнаго за учебный годъ.

Какъ христіанинъ — покойный былъ глубоко вѣрующій человекъ и отличался благочестіемъ. Проходя или проѣзжая мимо церкви, покойный всегда благоговѣнно крестился и другихъ побуждалъ дѣлать тоже. Богослуженіе въ училищной церкви покойный любилъ отпразднать съ благолѣпіемъ и съ торжественностью ютъ этого оно отличалось и продолжительностью. Въ то время, когда въ другихъ церквяхъ, напр., всенощное бдѣніе уже окончилось, въ училищной церкви оно едва дошло и до середины. За всенощнымъ бдѣніемъ покойный любилъ самъ становиться въ ряды учениковъ и съ ними неторопливо исполнять разныя духовныя пѣснопѣнія. При всякомъ удобномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе съ церковной кафедрой, покойный старался произносить назидательныя поученія — очень часто экспромтомъ; и любилъ покойный акафисты, славословія — и молебныя пѣнія. Молебнымъ пѣніемъ сопровождалось едва ли не каждое литургійное богослуженіе.

Что сказать еще? Еще два слова, одинъ примѣръ горячей любви покойнаго къ своему родному училищу, которое развивалось и крѣпилось при его непосредственномъ участіи и подъ его ближайшимъ руководствомъ и направленіемъ.

Разказываютъ, уже передъ самой кончиной, находясь почти уже въ безсознательномъ состояніи, покойный все еще рвался и стремился въ свое училище и дѣлалъ распоряженія о приготовленіи экипажей для отбытія въ Тобольскъ. Такъ, видно, хоть умереть хотѣлось ему въ кругу родныхъ и среди близкой и родной обстановки.

Его желаніе не исполнилось, но все же онъ тамъ, гдѣ желалъ быть, хотя и бездыханный.

Человекъ не совершенство. Можно конечно и въ жизни и дѣятельности незабвеннаго о. Алексѣя отыскать темныя пятна и слабыя стороны, но гдѣ и у кого нѣтъ тѣхъ или иныхъ недостатковъ и гдѣ и у кого ихъ не было? Не судите, скавалъ Спаситель, и да не осудимы будете. Миръ праху твоему, мой добрый начальникъ и руководитель, и вѣчная и добрая память да сохранился о тебѣ среди своихъ присныхъ и знакомыхъ.

О. К. Н.